

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

КРАСНОВА
Татьяна Ивановна

**Оппозитивность
газетного дискурса русского зарубежья 1917-1922 гг.
(идеологическая модализация и структура)**

Специальность 10.01.10 - журналистика

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре речевой коммуникации факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный консультант: доктор филологических наук, доцент Дускаева Лилия Рашидовна.

Официальные оппоненты:

Болотнова Нина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета

Зобнин Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки

Лысакова Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Ведущая организация: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Защита состоится 30 мая 2013 года в 16.00 на заседании диссертационного совета Д 212.232.17 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199004, Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 26, факультет журналистики СПбГУ, ауд. 303.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан « » 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. Г. Фещенко

Диссертация посвящена дискурсивному анализу содержательно-идеологического и семантико-речевого проявлений оппозитивности в газетах русского зарубежья конца 10-х начала 0-х гг. XX века на разных геополитических пространствах существования русских газет в Европе, Маньчжурии и в Америке. **Оппозитивность в газете** понимается как *идеологическая модализация*, которая вносит в «речевое тело» газетного дискурса *структуру когнитивно-семантического (ментального) противоположения*. Смысловой центр проанализированных публикаций – Россия, а расхождения в интерпретации положения дел в стране связаны с отношением к ключевому для того времени слову-понятию «большевизм». Таким образом, все изученные нами тексты из одной области наблюдений – дискурса о России, который составил **объект** исследования. При этом структура объекта исследования неоднородна и многослойна: в ней присутствуют *внешнее* поле дискурса о России (историко-социальный, культурный, идеологический контексты) и *внутреннее* поле идеологического субъекта дискурса (его когнитивно-психологический модус). Кроме того, в содержании изучаемого дискурса как целостного объекта выделяются *ядро* (мир России) и отчасти противопоставленная ему и преломляющая его *оболочка* (мир русской эмиграции). Ввиду неоднозначности и многослойности изучаемого объекта, важно было выделить универсальный для изучения формации дискурса предмет наблюдений и анализа. **Предметом** анализа стал *феномен оппозитивности* в газетном дискурсе русского зарубежья и *оппозитивный механизм*, который управляет формацией газетного дискурса при всей его вариативности в различных условиях существования изданий.

Газета в европейской традиции *ценность*, она формирует ядро общественной дискуссии. *Оппозитивный дискурс* – отражение конфликтогенного содержания и речевых форм проявления общественно-политической напряженности в общественном сознании и в газетных текстах эпохи российского кризиса. Оппозитивность рассматривается в русле категории диалогичности с учетом понимания проблемы "другого". В появлении *Другого* содержится конфликт (конфликт является истинным смыслом бытия-для-другого, по Ж.-П. Сартру). Почва конфликта – социальная, социально-идеологическая, нравственная.

В период кризиса 1917-19 гг. (кризиса комплексного – политического, военного, экономического, культурного) конфликтный потенциал общества достиг предела. Если представить состояние российского политического сознания, используя тактический символ *Другой*, его можно определить следующим образом. Враждебный *Другой* мыслится и вне общества (внешний враг), и в составе его (внутренний враг): он поместился в центре ментального поля участников диалога, которые его

воспринимают антагонистически. Это положение создает такой высокий уровень напряженности в умственном и речевом состоянии общества, который можно объяснить лишь поляризацией национального сознания. Признаками раздвоения национального сознания был отмечен весь XIX век («славянофилы» и «западники», «нигилисты» и «либералы», «монархисты» и «анархисты», «социалисты» и «консерваторы»). Но в первой четверти XX века оппозитивное состояние русского политического сознания обострилось до предела. *Оппозитивность* стала качественно-количественной характеристикой русского газетного дискурса в целом, в том числе дискурса о России в газетах русского зарубежья (РЗ). В этой связи особого внимания заслуживают входящие в человеческую и социальную суть явления *порождающие факторы* оппозитивной формации дискурса о России.

Материалом исследования послужили газеты русского зарубежья, политико-идеологический дискурс которых в основном относится к 1917-1920 гг. Выбор временного отрезка периода войн (мировой и гражданской) предопределен как динамикой нарастающего миграционного процесса из России, так и важным этапом становления того Российского зарубежья, которое сформировалось под влиянием ключевых событий национальной и мировой истории начала прошлого столетия. В целом было проанализировано свыше полутора тысяч текстов, входящих в состав различных по своей направленности изданий, – политизированных газет антибольшевистского и пробольшевистского толка, а также деполитизированной торгово-промышленной газеты эпохи войн.

Газеты, вошедшие в изучаемый материал, даются ниже с учетом характеристик в их подзаголовках. Более точные типологические характеристики представлены в библиографическом списке источников в конце диссертации. Из всех изучаемых изданий две газеты обозначили себя как внепартийный демократический орган («Варшавская речь»: Варшава, «Призыв»: Берлин); пять газет имеют партийную принадлежность («Голос России»: Берлин, «Русский социалист»: Берлин, «Труд»: Харбин, «Голос труженика»: Чикаго, «Народная газета»: Нью-Йорк); две газеты отметили классовую, рабоче-крестьянскую ориентацию («Новый мир»: Нью-Йорк, «Свободная Россия»: Чикаго); четыре издания обозначили свой многопрофильный общественно-политический характер («Новое слово»: Кишинев, «Вестник Маньчжурии»: Харбин, «Маньчжурия»: Харбин, «Новости жизни»: Харбин); одна газета относится к торгово-промышленному изданию («Скандинавский листок»: Стокгольм); еще одна газета является органом действующей армии, т.е. военно-политическим изданием («Вестник Северо-Западной армии»: Нарва). Остальные газеты не обозначили в подзаголовке своей направленности («Общее дело»: Париж;

«Русский вестник»: Берлин; «Русское дело»: Прага; «Призыв»: Харбин; «Новое русское слово»: Нью-Йорк; «Свободная Россия»: Буэнос-Айрес), хотя в атрибутивных составляющих названий трех газет тенденция акцентирована: они отражают метареферентную ситуацию выбора наименования включением идеологом «дело» и «свободная» («Общее дело», «Русское дело», «Свободная Россия»). Весь исследованный нами материал извлекался из газетных хранилищ Российской национальной библиотеки (РНБ) и частично библиотеки Российской Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге. Благодаря газетному собранию РНБ и БАН, в поле наших наблюдений оказалась печать русской диаспоры *приграничных* для России государств и печать *дальнего* зарубежья.

Степень изученности представленных материалов различна: в этом списке есть хорошо известные, малоизвестные или совсем не описанные в научной литературе издания. Хотя сбором и изучением газет РЗ времени революции и Гражданской войны занимались не только в России, но и за границей¹, научному осмыслению подвергалась лишь содержательная сторона отдельных изданий русского зарубежья. В советскую эпоху традиционно пользовались вниманием партийные издания. Лучше всего изучены печатные органы главных центров эмиграции, ведущие газеты русского зарубежья². Основная масса исследователей нового времени миновала революционный и пореволюционный периоды, сосредоточившись на **послереволюционной** эпохе. И понятно: всеобщий интерес вызывает именно этот богатый и многообразный в культурном отношении этап в истории русской эмиграции. Нам не встретились работы, посвященные анализу языка торгово-промышленной газеты «Скандинавский листок» (1915-1918 гг.) или газеты русской диаспоры в Польше «Варшавская речь» (1919 г.), то есть среднего уровня недолговечных изданий. Обычно исследователи говорят об «эфемерности» газет с двух-трехгодовалым опытом существования. Нам представляется, что делать вид, будто такой литературы не существует, нет оснований. Даже недолгая работа малообеспеченных

¹ Особенно велик вклад в историю печати Русского зарубежья за границей со стороны библиографии. В Париже, Мюнхене, Бостоне и др. городах Европы и Америки изданы сводные каталоги эмигрантской периодики за весь период ее существования.

² См., например, обзор «Ведущие газеты русского зарубежья» в книге «Журналистика русского зарубежья XIX-XX веков» (СПб., 003), где идет речь об эмигрантских газетах во Франции («Последние новости», «Возрождение»), о газетах эсеров в Германии («Дни», «Воля России», «Руль»). См., также: *Реброва И. В.* Концепт Пророк в литературно-критическом дискурсе газеты «Руль» (нач. 0-х гг. XX ст.). - СПб., 2000; *Харина Н. А.* Общественная позиция газеты «Руль» (19 0-19 3) // Русская и зарубежная журналистика: сб. - СПб., 1996, С. 19-30.

изданий не лишает знаковости газету как влиятельного средства взаимодействия в эпоху кризиса.

Весь проанализированный большой и разнообразный материал представляет научный интерес, значим для истории журналистики и – что нас особенно привлекает – для изучения ее идеологического дискурса, повлиявшего на состояние общественного сознания в русском зарубежье. Между тем «разношерстный» дискурс эмигрантской печати еще не изучался системно. В энциклопедическом по своей широте исследовании М. Раева «Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919-1939» [М., 1994], многоаспектно раскрывающем культурные достижения русской эмиграции, отсутствуют в анализе периоды революции и начала Гражданской войны, а история культуры русской эмиграции рассматривается с 1919 года, да и само понятие русской эмиграции связывается именно (и только) с эмиграцией первой волны. Комплексному и системному монографическому изучению в обозначенном выше ракурсе оппозитивности газеты русского зарубежья эпохи войн не подвергались. А свойственный им язык в его идеологических разновидностях никогда не исследовался ни в России, ни за рубежом. Во всяком случае, известные нам работы (в том числе и вышедшие за границей)³ по предмету изучения относятся к более позднему периоду — после высылки в 19 году видных ученых и писателей из России.

Актуальность проведенного исследования может быть рассмотрена с разных сторон. *Во-первых*, как мы прежде показали, оно во многом опирается на неизученный прежде газетный материал; *во-вторых*, оно осуществлялось в русле актуальных научных поисков, направленных на освоение культурного наследия русской эмиграции; *в-третьих*, решаемые в процессе исследования вопросы входят в междисциплинарную область проблем дискурсного анализа СМИ. О своевременности исследований в этой третьей области следует сказать подробнее.

Наше исследование проводилось в контексте *историографических* сочинений нового типа, в которых дается объективная интерпретация последствий социальных действий и изменений в России начала XX века. Использование таких работ стало возможным благодаря открытию прежде недоступных источников малоизвестных материалов отечественных и зарубежных архивов, которое подтолкнуло исследователей к объективному переосмыслению прежней политической культуры России.

Исследование проводилось в порядке освоения того обширного *историко-культурного* наследия эмиграции, при котором Русское зарубежье

³ Zelenin, Aleksandr. The Language of the Russian Émigré periodical press in the 19 0 s and 30s // Nordiska Slavismötet, XIV (Helsinki) 1997.

воспринимается как сложный социокультурный феномен отечественной и мировой истории. Представляется востребованным объективное прочтение опыта «расколотых революцией культур», в том числе – изучение журналистского процесса в условиях продолжительной эмиграции, которое и предпринято в данной работе.

Данная работа вписывается в круг междисциплинарных исследований по изучению русского зарубежья, проводимых в последнее время архивоведами, историографами, культурологами, искусствоведами, журналистами, славистами, политологами. Разработанный под руководством акад. Е. П. Чельшева в Российской академии наук международный проект «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX-XX веков» стал закономерным следствием интегрального подхода к комплексам работ такого рода. Но, как было отмечено, «к сожалению, все это мало касается журналистики», а «литература о ней – незначительный ручеек в общем потоке научной продукции»⁴. Наше междисциплинарное исследование журналистского дискурса русского зарубежья — попытка устранения имеющейся в научной литературе лакуны.

Своевременность предпринятого исследования предопределяется и лингвистической его стороной, поскольку решение основных вопросов в нем осуществлялось с применением активно развивающихся сегодня в лингвистике когнитивных методик анализа.

1. Важнейшим подходом стал пока еще недостаточно разработанный, но имеющий широкие перспективы для изучения языка СМИ *дискурсно-когнитивный*⁵ анализ, который позволил в данной работе решить важнейшую исследовательскую задачу – в чрезвычайном многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка газет русской диаспоры, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения прежнего русского языка. По мнению специалистов, когнитивной составляющей принадлежит ведущее место как в организации дискурсивной деятельности СМИ, так и в ее анализе.

⁴ *Жирков Г. В.* Между двух войн : журналистика русского зарубежья. 19 0 -1940 годы : учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов. 1998, С. 16-17.

⁵ Об этом в кол. монографии «Язык средств массовой информации» : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академ. Проект, Альма Матер, 008 (раздел «Когнитивный аспект исследования языка СМИ»). Вопрос рассматривается также в нашей статье: *Краснова Т. И.* Дискурс-ориентированный контекстный подход : вспомогательная роль идеологии в дискурсе о языке (социологическое направление) // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. Выпуск XI / Ред. коллегия Российского госуд. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена: проф. Васильева Г. М., проф. Лысакова И. П. (отв. ред.). СПб.: Изд-во «Северная звезда». 0 10, С. 101-108.

. Одним из подходов в работе стал актуальный сегодня анализ *имплицитивно* содержащихся в газетном дискурсе идей. Речь идет о показателях вербальной и невербализованной оппозитивности в дискурсе изучаемых газет, о модализованных идеологической оценкой смысловых вершинах дискурса⁶.

3. Изучение ключевых слов, смысловых доминант и семантико-речевых вариантов дискурса при неизменяемой и/или изменяемой идеологической основе – одно из направлений остро современных *речеведческих* исследований дискурса СМИ (Л. М. Майданова, О. Л. Михалева, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов, Т. В. Шмелева и др.), к которому примыкает и данное сочинение⁷.

4. Проблематика предпринятого дискурсно-когнитивного анализа находится в потоке востребованного общественными науками *лингвосоциального* направления исследований⁸. В его основе лежит многопрофильный пласт трудов российских и зарубежных ученых по теории дискурса и социальной детерминации речевой деятельности (Т. Ван-Дейк, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, К. А. Долинин, А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, И. П. Лысакова, К. А. Рогова, Ю. С. Степанов, Г. Я. Солганик, И. А. Стернин, Р. Т. Белл, У. Лабов, Ч. Фергюсон, Д. Хаймс, С. Эрвин-Трипп и мн. др.).

⁶ Об этом же: *Краснова Т. И.* Идеологические аспекты языка газеты // Подготовка журналистских кадров (опыт, история, проблемы): тезисы докладов научно-практич. конференции. СПб.: Факультет журналистики Санкт-Петерб. госуд. ун-та. 199, С. 18-19; *Краснова Т. И.* Импликация. Пресуппозиция. Подтекст // Языковое и литературное образование в школе и в вузе : матер. юбилейной Международной научно-практич. конференции. СПб. : Российский госуд. педагогич. ун-т им. А. И. Герцена. 1997, С. 137-138; *Краснова Т. И.* Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918-190 гг.) // Вестник Пермского госуд. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». 01.1. № 1, С. 107-112 (в соавторстве с Л. Р. Дускаевой).

⁷ См.: *Краснова Т. И.* Ключевые смыслы современных медиатекстов // Известия Уральского госуд. ун-та. 006. Серия 1 : Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 19 (№ 40), С. 10 -214; *Краснова Т. И.* Выражение концепции коммерческого издания в ключевых словах // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. Вып. X. / Ред. коллегия Российского госуд. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во «Сударыня». СПб. 009, С. 95-101.

⁸ Лингвосоциальному направлению отечественного языкознания посвящен специальный раздел нашей монографии: *Краснова Т. И.* Другой голос : анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-190() гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Изд-во «Северная звезда». 01. С. 7 -95 («Социологическая лингвистика в политико-идеологизированном контексте словесной культуры»).

5. Работа выполнена в русле активно развивающейся *политической* филологии, поскольку нами рассматривается соотношение свойств дискурса с такими социальными концептами, как «власть», «воздействие», «авторитет». Эти свойства связываются с особенностями речевого поведения идеологических субъектов и с интерпретацией их дискурсов. Диалог с «другим» как способ искания и испытания истины составляет проблему в коммуникативной сфере⁹, в частности проблему политической этики. Речь идет о противостоящем *Другом*, по-другому думающем и действующем.

6. Мы попытались рассматривать весь газетный материал на равных основаниях, без предвзятости к его идеологической основе¹⁰. Объективированный подход к изучению разнородного материала принимается в духе когнитивной лингвистики с ее доминирующими п о з н а в а т е л ь н ы м и установками. При этом современные задачи анализа дискурса настолько превосходят по масштабам изучения задачи ранее ведущей в анализе газетного материала лингвостилистики, что теперь, говоря словами Ж.-Ж. Куртина, «надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть»¹¹.

7. Наша разработка методов дискурсного анализа конкретных газет РЗ отвечает традициям французской школы дискурсного анализа (Р. Барт, М. Фуко, М. Пешё, Ж.-Ж Куртин, Ж. Отье-Ревю и др.). Ее заслуги не раз отмечались в научной литературе. Французская школа дискурсного анализа отличается философской направленностью, вниманием к идеологическим, историческим, психоаналитическим аспектам дискурса. Благодаря французским ученым, воспринявшим и поддержавшим идеи «марксистской философии языка» (М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов), на Западе получило обоснование и распространение семиологическое понятие идеологии, определилось понимание дискурса как феномена внутри идеологии, возникло понятие интердискурса или входящего в дискурс на правах импликации идеологического «преконструкта» (М. Пешё). Здесь активно разрабатывались проблемы теории политического дискурса (Ж.-Ж Куртин, П. Серио), а также проблема интерпретации дискурса, включая проблему *Другого* (Ж. Отье-Ревю).

⁹ Проблема "другого голоса" в языке, литературе и культуре : материалы IV Международной конференции / Ред. коллегия РГПУ. – СПб.: Российский госуд. педагогич. ун-т им. А. И. Герцена. 003.

¹⁰ Первый опыт представлен в статье: *Краснова Т. И.* Типы эмигрантских газет 1918 года по содержательно-идеологическим признакам (опыт изучения содержания и формы) // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1995. Серия . В ып. (№ 9), С. 110-113.

¹¹ *Квадратура* смысла: Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1999, С. 31.

Цель исследования – выявление статуса и структуры содержания оппозитивного дискурса в газетах русского зарубежья эпохи войн; разработка принципов анализа и описание специфики дискурса русского зарубежья с тем, чтобы вскрыть природу оппозитивного дискурса и представить характер убеждений идеологических субъектов в рамках газетного дискурса в эпоху перемен.

Поставленная цель потребовала решения многих задач, выполнить которые можно было в два этапа.

Задачи первого этапа исследования определялись потребностью решить проблему аналитического описания разного газетного дискурса. Для этого было необходимо:

- ▲ вычленив с привлечением междисциплинарных составляющих референты, которые могли обусловить оппозитивную формацию дискурса;

- ▲ обосновать ведущие категории дискурсного анализа и определить доминирующую модель газетного дискурса русского зарубежья;

- ▲ дать определение оппозитивного газетного дискурса и его разновидностей;

- ▲ показать модализованную неприятием оппозитивность репрезентации, апеллятивности и экспрессии в дискурсах разной идеологической направленности.

Задачи второго этапа исследования – характеристики дискурса о России в прессе разных стран русского зарубежья – включают:

- ▲ краткое описание изданий по первичным типологическим признакам и собственной атрибуции газеты (шапки, рубрики, заголовочные комплексы, обращения редакции и т.п.);

- ▲ вычленение оппозитивов и реконструкция оппозиций в газетах на базе семантико-речевого анализа высказываний (вертикальный и горизонтальный контексты);

- ▲ определение доминирующего дискурса в конкретной газете и общего расхождения газет РЗ в начале и в конце Гражданской войны;

- ▲ определение идеологической специфики коммерческого издания в свете отношений оппозитивности и общей характеристики разновидностей оппозитивного дискурса газет РЗ.

Теоретическая база исследования. К о г н и т и в н о е направление исследований, к которому относится данная работа, характеризует широта рассмотрения объекта. Именно такой взгляд позволяет обнаружить общность в принципах организации языка, материальной и духовной культуры. С одной стороны, ученых привлекает способность когнитивного подхода к выявлению стандартных форм человеческого мышления и повторяющихся «содержательных представлений». С другой стороны, когнитивизм

рассматривается как разновидность и н т е р п р е т и р у ю щ е г о подхода. Наблюдается стремление ряда авторов, особенно в России, говорить именно о *когнитивной семантике*, а не когнитивной лингвистике (Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, О. Н. Селиверстова, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский). Мы признаем особую роль для когнитивных исследований *прагматической теории* с ее интересом к вопросам социального познания и установкой на экспликацию имплицитного знания (Ш. Балли, Ч. Моррис, Л. Витгенштейн, Р. М. Хэар, Г. П. Грайс, Дж. Лакофф, П. Сгалл, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, В. В. Петров, Ю. Н. Караулов, Б. А. Серебренников). Разработка теории *модальности* и *модуса* (пропозиционального отношения) определила одну из магистральных линий прагматических исследований. Большую часть применения прагматического анализа составляет, по мнению ученых, не слово или высказывание, а именно дискурс.

Главной теоретической базой исследования явились *труды по когнитивной лингвистике и семантике, поэтике и литературоведению, семиотике и психологии* (работы М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, Л. С. Выготского, Ю. М. Лотмана, Е. С. Кубряковой, О. Л. Селиверстовой, М. В. Никитина, Т. В. Шмелевой, Ю. С. Степанова, В. З. Демьянкова и мн. др.). но в особенности, как уже говорилось, - *работы представителей французской школы дискурсного анализа* (Р. Барта, М. Фуко, М. Пешё, П. Серио, Ж.-Ж Куртина, А.-Ж. Греймаса, Ж. Фонтанья и др. ученых).

Что касается изучения литературных произведений и журналистики, то с развитием когнитивного направления исследований связаны хорошо выраженное стремление к пересмотру подходов к самому анализу, попытка увидеть в текстах за категориями языковой семантики (особенно грамматическими) некоторые общие понятийные категории. Изменения можно обозначить в виде тенденций к *р а с ш и р е н и ю* поля наблюдений («пространства» социокультурного, ментального, духовного); к *у к р у п н е н и ю* объектов анализа (сверхтекста, макротекста, гипертекста, дискурса); к *р а з д в и ж е н и ю* границ понимания традиционных категорий лингвостилистики (понятий субъекта и субъективности, модуса и модальности, диалогичности, контекста). Все это происходит в результате использования при изучении речевой коммуникации *когнитивных методов анализа*, начала которых положены К. Бюлером как раз во времена мирового кризиса и Гражданской войны в России. В 1918 году К. Бюлер предложил научному сообществу универсальную трехчленную модель функций языка (*репрезентативная, апеллятивная и экспрессивная* функции), которые так или иначе проявляются во всяком высказывании. По К. Бюлеру, простое суждение является не только (и даже не столько) связью представлений, но *особым классом переживаний, имеющим модальную природу*. При этом еще важнее оказывается интенциональность переживания. В нашей работе

присущая ЭГ-дискурсу оппозитивность связана с идеологическим, социально-оценочным происхождением и ментально-психологическим механизмом порождения¹² высказываний в рамках дискурсивной формации.

Одним из примеров раздвижения границ лингвистики и теории речевых жанров в журналистике за счет включения междисциплинарных связей с логикой, философией и психологией, может служить категория *диалогичности*. С когнитивной точки зрения, диалогичность имеет отношение к феномену смысловой оппозитивности в дискурсе. Интеракционная модель коммуникации, которой мы придерживаемся, предполагает анализ речевого взаимодействия с учетом социально-культурных условий коммуникации¹³.

Сложный характер самого *процесса порождения* дискурса, неоднородная *природа* объекта обусловила необходимость описания условий формации газетного дискурса в два этапа — на *дотекстовом*, контекстном этапе и *текстовом*, формообразующем этапе существования дискурса. Дотекстовой этап существования формации дискурса подразумевает: а) наличие идеологического преконструкта и установочной посылки в виде *концептуального начала* пробольшевизма, антибольшевизма, а также нейтральной политики торгово-промышленного издания; б) наличие когнитивного условия реализации дискурса — *ментально-психического модуса* с концептом «приятия» или «неприятия». Это ментальное состояние переносится на речь, выражаясь в *модализации* высказываний. Дотекстовой этап анализа необходим для понимания того, что каузаторами состояния приятия или неприятия выступают для говорящего две причины: 1) *экстралингвистические объекты*, факты оппозитивных отношений в самой действительности (мир событий и мир идей, социокультурная ситуация); 2) *интенциональность* и ее *ментально-модальные объекты* — указание на положение вещей, оценки существующего положения, несоответствие желаемого или ожидаемого действительности.

В текстовом приближении анализ дискурса предполагает учет двух его планов — собственно лингвистического, семантико-речевого и когнитивного, или ментального. Механизм оппозитивности складывается из операций с языком в составе коммуникативного акта, включающего «затвердевшую»

¹² Несколько слов о термине «порождение». В свое время Р. Б. Лиз отмечал, что понятие порождать (generate) часто смешивается с термином «производить» (produce), что приводит к печальным последствиям¹². У нас понятие порождения употребляется как синоним *выбора посредством некоторого правила*. Таким образом, термин порождение приравнивается, в конечном счете - к термину «функция».

¹³ *Дускаева Л. Р.* Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 004; *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 001.

модель $A \leftrightarrow B$ модализованного противоположения. Предметом наблюдений и анализа в диссертации стали виды и способы ментальных репрезентаций в газетном дискурсе, организация языковых и неязыковых знаний по принципу семантической оппозиции. Политизированные газетные тексты рассматриваются с точки зрения того, как разные ментальные схемы (фреймы, сценарии, «жанровые схемы») в *анти-* или *пробольшеви́стских* изданиях концептуализируют «мир», будучи включенными в сознании читателя в оппозитивные модели понимания и общения. Одновременно мы рассматриваем оппозитивный дискурс в его материальном выражении. Он реализуется как последовательность речевых актов, которые обладают локальной и глобальной связностью (диагональностью), подразумевающей оппозитивность в сфере вертикального контекста.

Методологической базой исследования стала существующая в разных модификациях *теория дискурса*, а также общие представления ученых о способах репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях (В. А. Звегинцев, В. В. Петров, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков, Т. А. Ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Лэнкер, П. Серио, М. Пешё, М. Фуко, А.-Ж. Греймас, Ю. Е. Прохоров, В. И. Карасик, Н. Н. Болдырев и др.). Большое значение при разработке методологических оснований дискурсного подхода имели *теории интертекстуальности* (Р. Барт, М. М. Бахтин, Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман, Ж. Деррида, Ю. А. Кристева), а также работы по *надежной грамматике* с ее основами теории фреймов (Ч. Филлмор, Е. С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац и др.).

Выработка принципиальных подходов, предвосхитивших появление новой теории описания социальных языков, связана с многочисленными трудами по *социальной лингвистике* и теми аспектами *когнитивной лингвистики*, которые стали ориентироваться на эту проблематику, включая анализ дискурса (Э. Бенвенист, Т. А. Ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Шенк, А. А. Залевская, Е. М. Вольф, Ю. Н. Караулов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Р. И. Павиленис, Е. В. Падучева, Е. С. Кубрякова, О. Н. Селиверстова, В. З. Демьянков, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина и др.). Немалый вклад в решение проблемы дискурсного анализа внесли исследования по *лингвистической прагматике*, включая проблемы *субъективности* и *модальности* (Ч. С. Пирс, Л. Витгенштейн, Дж. Дьюи, Дж. Лакофф, Ш. Балли, А. Вежбицка, А. А. Потебня, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Е. В. Падучева, В. Г. Гак, А. Г. Баранов, А. В. Зеленщиков, В. В. Химик и др.), работы по *функциональной стилистике* (А. Н. Васильева, М. Н. Кожина, М. П. Котурова, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская, Т. В. Матвеева, Н. С. Болотнова, В. А. Салимовский и др.) и *функциональной лексикологии* (В. В. Степанова, Н. Е. Сулименко, В. Д.

Черняк и др.), исследования по *теории речевой деятельности* в связи с характеристикой газетно-публицистических жанров (М. М. Бахтин, Г. О. Винокур, В. Г. Костомаров, М. Н. Кожина, Г. Я. Солганик, К. А. Рогова, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина, В. И. Коньков, Л. Р. Дускаева и мн. другие).

Говоря о методах анализа, приходится признать, что в столь объемной и многоаспектной работе, как представленная, автор вынужден был по мере погружения в материал использовать самые разные методы и методики, сообразно множественным аспектам рассмотрения изучаемых текстов и контекстов, то есть в силу многомерности самого дискурсного анализа. В работе используются *общенаучный индуктивно-дедуктивный* и *описательно-аналитический метод* с его основными приемами (наблюдением, интерпретацией, обобщением и классификацией); *контекстологический подход*, при котором интертекстуальные связи устанавливались с привлечением смежных областей знания (истории, философии, литературоведения и др.); метод *экстралингвистической интерпретации фактов языка*; *функциональный* и *структурный* методы анализа; элементы *психолингвистического* подхода, предполагающего внимание к процессам порождения и восприятия речи; *метод когнитивного моделирования* с учетом фреймов, сценариев, схем и т.п. когнитивных в составе газетного дискурса; *сравнительно-сопоставительный* метод определения сходства и различия между видами оппозитивного дискурса. В соответствии с дискурсно-когнитивным направлением и целью исследования была выработана методика *анализа высказываний по выявленным смысловым оппозициям*¹⁴.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Оппозитивный дискурс – *типичный способ* существования модализованной картины мира в газетном дискурсе о России времени

¹⁴ Об этом в серии наших статей: *Краснова Т. И.* Семантико-речевые оппозиции в структуре текста (на материале эмигрантских газет) // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1995. Серия . Вып. 4 (№ 3), С. 67-72; *Краснова Т. И.* Структура эмигрантского газетного текста // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1999. Серия . Вып. (№ 9), С. 93-100; *Краснова Т. И.* К вопросу о структурах знания и мнения в эмигрантском газетном дискурсе эпохи кризиса // Русский язык и культура речи : прошлое, настоящее, будущее: материалы межвузовской науч.-практич. конференции. – СПб.: Невский институт управления и дизайна. 008, С. 51-69.

революций и войн. Сущностные признаки такого дискурса определяются историческим временем, идеологией отрицания и антагонизмом овладевающих данным дискурсом групп. Изучение «мира дискурса» требует *учета многих факторов*, и определение оппозитивного дискурса может уточняться по ходу исследования.

. Газетный дискурс сконструирован по правилам *оппозитивной формации* с ее механизмами текстопорождения для решения определенных задач. Правила формации оппозитивного дискурса вырабатываются в речевой практике как общеупотребительные и конвенциональные, то есть предназначенные для того, чтобы читатель понимал стоящие за ними *интенции* социальных групп. В социальном интересе к поддержанию конфронтации закрепляются идеологические установки, находит подтверждение смысловая доминанта дискурса.

3. Оппозитивность газетного дискурса обусловлена *модализованным состоянием сознания* говорящих. Недоумение и неприятие являются каузаторами семантики и самого механизма оппозитивности. В целом речевая природа оппозитивности – природа *ментальная, социально-оценочная*. Она связана с позицией «идеологического субъекта» газеты, язык оказывается вторичным по отношению к модализованному в группе сознанию говорящего, к интенциональности.

4. Поскольку язык, идеология и культура связаны, сосуществование в одном пространстве взаимодействующих между собой субкультур (политико-идеологической классовой и консервативно-либеральной, в т.ч. гуманистической; книжно-письменной и народно-поэтической и др.) определяет *множество идеологических контекстов*, или интердискурсов, в которых одновременно может ощущать себя субъект и адресат газетной речи.

5. Оппозитивный дискурс может быть представлен в виде *модели*, имеющей полевою структуру. Эта модель полевой структуры газетного дискурса включает три «ипостаси»: внешнюю предметно-практическую, внутреннюю ментально-психическую и посредническую семантико-речевую.

6. Оппозитивность существует в газетном дискурсе *открыто* - в поверхностном выражении, и *имплицитно* - включая оппозитивный компонент знания, который в пресуппозиции входит в идеологическое противопоставление.

7. Модализация неприятием (недоумением), не только внесенная социальным дискурсом в тексты, но и приумноженная рассеянным многообразием способов передачи смысловой оппозитивности в текстах, дает основание полагать изучаемый газетный дискурс близким к *тотально оппозитивному*.

8. По идеологическому критерию и ограничениям, накладываемым на оценочную деятельность говорящих идеологией, выявляются такие виды

оппозитивного газетного дискурса, как *радикальные* антибольшевистский и пробольшевистский дискурсы, *умеренные* виды дискурса, политически *нейтральный* дискурс (позиция идеологического умолчания).

Теоретическую значимость проведенного исследования мы связываем с рядом обстоятельств. Во-первых, с разработкой *метода междисциплинарного дискурсного анализа*, осуществленного на основе наиболее актуальных направлений современной социальной лингвистики, политической филологии, семантики, прагматики; метода, использованного как единство исследовательских процедур с учетом разносторонних — внешних и внутренних — факторов в отношении идеологически разнонаправленных газет. Обоснованы важнейшие *категории* оппозитивного дискурса, определена *процедура* его когнитивно-семантической *реконструкции* методом выявления разнохарактерных оппозиций. Выведен *терминологический аппарат* дискурсного анализа газет русского зарубежья. Уточнено содержание понятия «оппозитивный дискурс», дается определение ведущих понятий «позиция субъекта», «идеологическая оценка», «модализация» дискурса, «когнитивный модус» и др. Описана специфика проявления *оппозитивности как текстообразующей категории* в рамках репрезентации картины мира, оппозитивной апеллятивности или экспрессивности в дискурсе (выразительность кванторных слов в газете). Тем самым работа имеет интерес не только для социолингвистики, но и для теоретического языкознания, так как она дает возможность ответить на вопрос: какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию в изменяющихся социальных условиях и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми. Полученные в результате исследования данные представляют интерес для истории русского литературного языка, поскольку характеризуют изменения русского языка в значимый исторический период. Установлены *способы выражения ментального состояния* в языке, определены «ключи» к анализу соотношения ментального и вербального механизмов оппозитивности, выявлены *приемы* активизации таких концептов социальных представлений, которые характерны для кризисного сознания эпохи войн.

Во-вторых, полученные результаты междисциплинарного по своей направленности исследования важны для *истории российской печати*, поскольку дают представление о журналистском наследии эмиграции; для *теории журналистики*, поскольку методика предложенного описания имеет отношение к изучению и дополнительному структурному обоснованию *категории проблемности* в публицистике; для *истории культуры*, поскольку характеризуют косвенными данными состояние сознания, нравы, быт русских людей за рубежом в определенный исторический отрезок времени;

для культурологии, поскольку, благодаря анализу когнитивно-семантических особенностей дискурса, демонстрируют свойства *менталитета* разных социальных групп.

В-третьих, комплексный анализ различных видов оппозитивности в их взаимодействии составляет еще один шаг в развитии концепции *диалогичности*, если понимать ее для СМИ в широком смысле как диалог с *Другим*. Тексты рассматриваются как инструменты оппозитивного взаимодействия в среде общения. Результаты исследования могут способствовать дальнейшей разработке проблем *непрямой* коммуникации в СМИ.

Научная новизна определяется следующим: **а)** новизной объекта и предмета исследования: в научный оборот введен массив ранее не изучавшихся или односторонне изученных эмигрантских газетных текстов; **б)** постановкой проблемы изучения совокупности *идеологически неоднородной* продукции газет зарубежья за короткий и насыщенный экстраординарными событиями период; **в)** привлечением к дискурсивному анализу не только экстралингвистических, но и ментально-психологических факторов функционирования дискурса; **г)** учетом в анализе аспекта «модализации» газетного дискурса: характеризующая состояние сознания идеологического субъекта *модализация* выступает в составе когнитивного, ментально-психологического модуля как *ведущий фактор идеологического порождения* предикатно-аргументных структур, *каузатор* оппозитивной формации дискурса; **е)** рассмотрением в аспекте оппозитивности торгово-промышленной газеты в эпоху войн; **ж)** рассмотрением в рамках категории оппозитивности *кванторного* слова в роли концепта всеобщности в аффективном дискурсе; **з)** нетривиальной трактовкой *субъективированности* феномена идеологии как *Другого* в газетном дискурсе, когда идеи рассматриваются как «вещи», которые используются субъектами сугубо прагматически, а субъект понимается как символический объект, носитель группового сознания.

В свете сказанного определим **практическую значимость исследования**. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов когнитивной и социальной лингвистики, политической филологии, дискурсологии, риторики и поэтики публицистики, стилистики и литературного редактирования, критики речи, а также для дальнейшей разработки целого ряда теоретических проблем и вопросов функционирования текстов в массовых коммуникациях. Материалы работы могут послужить основой при подготовке курсов лекций, семинаров,

учебных пособий по социальной дискурсологии, текстовому анализу, по стилистике и поэтике жанров СМИ.

Важно, что приемы и средства выражения оппозитивности могут быть освоены практически. Методические разработки и результаты исследования пригодятся журналистам, специализирующимся в анализе политических событий и проблем социальной жизни. Они могут быть полезны историкам и социологам при подготовке выступлений или при экспертизе материалов в случае конфликтных ситуаций. Некоторые положения могут быть учтены в ходе изучения специфики исторической эпохи, при подготовке частных и общих курсов по истории журналистики.

Результаты исследования последовательно внедрялись в учебную практику на базе общих курсов «Русский язык», «Стилистика и литературное редактирование», а также спецкурсов «Объективное/Субъективное в языке и речи», «Язык–менталитет–идеология» (проблемы анализа дискурса СМИ)). Методика дискурсного анализа газетного текста использовалась автором на занятиях со студентами, в том числе с журналистами-практиками на вечернем и заочном отделениях факультета журналистики СПбГУ. Опытным путем она включается в процесс подготовки студенческих курсовых и дипломных работ в русле авторских спецсеминаров «Русская речь в эмигрантской газете» и «Речевая оппозитивность в медиатексте».

Апробация работы. Содержание диссертации, некоторые идеи и результаты исследования были в разное время представлены научной и журналистской аудитории на международных, межрегиональных и межвузовских конференциях по журналистике и русистике, на координационных совещаниях и научно-практических семинарах, включающих социологический аспект. Важнейшие из них: Международная научно-практическая конференция «*Журналистика – XX век: эволюция и проблемы*» (С.-Петербург, ф-т журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, апр. 1996); 51-я Международная научно-практическая конференция «*Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения*» 19- 0 апр. 01 г. (С.-Петербург, высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета); VII Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием «*Современный русский язык и особенности его функционирования в различных сферах общения*» 5 апр. 011 г. (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Институт социологии и управления социальными процессами); IV Международная конференция «*Проблема "другого голоса" в языке, литературе и культуре*» 27- 9 марта 003 г. (С.-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И.

Герцена); Международная научная конференция 16- 0 ноября 010 г., посвященная юбилею М. Н. Кожинной *«Речеведение: современное состояние и перспективы»* (Пермь, Пермский государственный университет); две межвузовские научно-практические конференции, посвященные журналистике русского зарубежья: *«История журналистики русского зарубежья XIX-XX вв.»* (С.-Петербург, ф-т журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, нояб. 1997 и 1999 гг.).

Структура исследования. Текст диссертационного исследования состоит из введения, четырех глав и заключения, примечаний, сокращений и условных обозначений, списка источников и списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

В в е д е н и е содержит обоснование актуальности исследования, формулировку цели и задач диссертации, общую характеристику работы.

Р а з д е л I «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА О РОССИИ В ГАЗЕТАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917-19 0 гг.» состоит из двух глав.

Глава 1 «Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса» является определяющей для выработки исходных положений анализа, поэтому ее содержание представим наиболее развернутым. Здесь вводятся основные понятия дискурсного анализа, дается полевая модель доминирующего в газетах РЗ антибольшевистского дискурса. Большая часть главы посвящена когнитивному основанию анализа формации газетного дискурса методом выявления оппозиций.

§ 1 «Концепции идеологии в отношении к анализу. Дискурсный статус понятий "идеологический субъект" и "позиция субъекта"». Основное внимание привлечено к ведущему понятию «идеология» и к его толкованиям в связи с последующим анализом газетного дискурса. Взаимодействие феноменов «текст ↔ дискурс ↔ действительность» характеризуется как ответное. Раскрывается специфика понятий «идеологический субъект» и «позиция субъекта».

Под *идеологическим субъектом* газетного дискурса понимается абстрактный субъект, или тот условный субъект, кому может принадлежать данный дискурс. Субъект «кристаллизуется» в дискурсе и существует в коммуникативном пространстве «по диагонали», то есть во множестве текстов-высказываний. Черты субъекта, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам дискурс. *Дискурс – это специфическая область*

*сознательного и бессознательного, превращающая субъекта в подданного*¹⁵. В рамках конкретного описания абстрактный идеологический субъект, выступающий у нас под названием «ИС газеты», рассматривается в качестве условного субъекта-оператора, влияющего на актуализацию главных смыслов. Возможна некая концепция «точки зарождения» акта высказывания. Эта «точка зарождения» понимается не как субъективная форма, а как *позиция*, в которой на уровне дискурса субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы.

§ 2 «Целостный контекстологический подход и полевая модель газетного дискурса» посвящен проектированию полевой модели газетного дискурса русского зарубежья эпохи войн. Предлагается опыт решения проблемы анализа дискурса с учетом *внешнего* поля и *внутреннего* поля зависимостей оппозитивной позиции ИС газеты. К *внешним* факторам оппозитивности относятся общесоциальные причины: это противоречия классового характера и столкновение интересов собственников; война как фактор конфронтации; оппозиция разных групп по отношению к власти, увеличение и разделение массы противников «старого режима»; аномальное усиление влияния деклассированных и авантюристских элементов в разных слоях общества; противостояние культур; деформация психики членов общества под влиянием экстремальных событий; изменение субъективных правил и убеждений (в противовес традиции); «биологизация» и массовая дезорганизация поведения; складывание катастрофического сознания и связанное с ним в условиях «аномальной» социальной системы увеличение потока эмиграции из России.

Российский дискурс эпохи кризиса входит в сложную по своим ориентациям историко-культурную среду, обладающую объектами, которые в обстоятельствах нового времени проявили свойство к противоположению. К таким оппозитивным объектам относятся *русская* ментальность и *групповой исторический менталитет*, традиционная (*консервативная*) культура и *культура модернизма*, куда входит известное по тем временам соотношение *прежний язык* и *новый язык*. В эпоху революций и войн в пространстве культуры существует не просто обычный для жизни конфликт «идеал» / «действительность», а конфликт вида – «архетипы русской ментальности» / «другая» жизненная идеология (включая "программу" преобразования действительности). Появился и ответ в духе идеологической оппозиции "новым ценностям" (сборник статей «"Из глубины"»). Картина мира в сборнике «Из глубины» реализуется как своего рода «исторический»

¹⁵ Новую для своего времени категорию субъекта идеологии выдвинул в 60-е годы XX в. философ Л. Альтюссер. Он связал ее с «теорией обращения». Знаменательно, что французское слово *sujet* переводится на русский как «сюжет», «субъект», «подлежащее» и «подданный».

и «психологический» контекст, в рамках которого обсуждаются концепции другой идеологии, соответствия и различия ценностей, контактирующих друг с другом в революционной России.

К **внутренним** факторам оппозитивности относится модализация сознания. Под оппозитивностью понимается *идеологически мотивированная модализация*, пронизывающая деятельность субъекта сознания и проявляющаяся как отношение неприятия (недоумения), которое сформировалось в ходе интерпретации действительности с позиций противодействия (или умственного противоположения) на базе идеологического прекопструкта. Ментальный предмет оппозиции – п р е д с т а в л е н и е, образующее поле зависимости для выражения позиции идеологического субъекта. В речи оппозитивность существует как охватывающая текст социально-оценочная категория, связанная с «неприятием» или оппозитивным *Другому* «приятием» объекта оценки. И д е о л о г и ч е с к а я о ц е н к а с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие» распознается в дискурсе как модальная рамка, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется политической разновидностью дискурса в целом, то есть всем комплексом его элементов, включая идеологический прекопструкт, модальность, точку зрения, ситуативную пресуппозицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в представлениях говорящих (или созданы усилиями групп). В идеологическом контексте с его специфическими референтами мы имеем дело с таким типом оценки, которая включается в общий когнитивно-семантический процесс модализации самой темы «русского большевизма» в газете.

Таким образом, о п п о з и т и в н ы й д и с к у р с понимается как идеологическая формация, которую невозможно рассматривать в отрыве от явления «мир дискурса» и его интерпретации. Выделяются три общих ориентира в интерпретации феномена м и р д и с к у р с а. 1) Мир дискурса - это поле внешнего предметно-практического, включающего материальную и идеальную стороны действительности. Поле *внешнего* как одна из социальных ипостасей дискурса подразумевает дотекстовой предметный мир, особую часть которого составляет мир идеологии.) Мир дискурса - это поле внутреннего ментально-психического. Поле *внутреннего* подразумевает модализованное состояние сознания субъекта до и во время акта речи. В конечном итоге психическое переживание суть становящееся внешним внутреннее. 3) Центр (ядро) дискурса составляет *языковая картина мира*, трансформированная оппозитивно модализованным сознанием в речевую реальность со структурой когнитивно-семантического противоположения.

§ 3 «Интерпретирующий когнитивно-семантический подход к анализу формации газетного дискурса методом выявления оппозиций

(основные положения и понятия)» посвящен когнитивному обоснованию анализа формации газетного дискурса указанным методом. В центре внимания социальная ситуация и «путь», которым шло порождение оппозитивного дискурса. Тип рассматриваемой ситуации определяется как *содержательно-идеологический конфликт* или *ситуация согласованного взаимодействия на фоне конфронтации с «другим»*. Речевые значения оппозитивности актуализированы и «вычисляются» в результате анализа такой ситуации в контексте сообщаемого.

В подразделе 1.3.1. «*Ментальная область оппозитивного дискурса. Идеологические позиции и установки. Концептуализация*» механизм оппозитивности характеризуется как социальный механизм оценочного со- и противопоставления по критерию норма (идеал) / антинорма (реальность). Постулируются основные термины когнитивного подхода в лингвистическом исследовании, но применительно к оппозитивной модели дискурса и анализу пропозиций. Речь идет об импликации и реконструкции оппозитивных концептов, о *гетерогенности* дискурса. Понятие *концептуализации* связывается с интерпретацией смысла в определенной концептуальной системе. *Импликация* понимается как способ организации сознания, формирования концептуальных структур. Импликационные связи оказываются мыслительным аналогом реальных связей в картине мира говорящего.

В разделе дается предварительный сводный перечень концептуальных оппозиций, реконструированных в основной части исследования. Они объединены в группы по четырем параметрам.

(1) **общечеловеческий социальный параметр:** *здоровье / болезнь, жизнь / смерть, норма / антинорма, культура / одичание, человек / толпа*, включая этнический показатель — *китайцы / русские, германцы / русские, поляки / русские* и др.

(2) **политико-идеологический параметр:** *большевизм / Россия, мир / война, диктатура / демократия, власть / народ, власть / газета (общественное мнение)*, включая военно-политический показатель — *защитник / враг*.

(3) **эпистемический параметр:** *философский явление / сущность, содержание / форма, необходимое / случайное; единичное, особенное / всеобщее; этико-философский — эгоизм / альтруизм, тело / дух, духовная сила / слабость; архаический (мифопоэтический) показатель с его амбивалентностью - земное-небесное, темное-светлое, высокое-низкое, внешнее-внутреннее; мир / антимир, свой / чужой; религиозно-нравственный показатель — добро / зло, Бог / дьявол (сатана) и пр.*

(4) **прагматико-поведенческий параметр:** *тактика «борьба» / «преступление», речь / умолчание, дело / слово*, в том числе социопсихический (эмоциональный) показатель — *приятие (одобрение) / неприятие (осуждение); большевики(+)* / *их противники(-), Керенский(-) / большевики(+), фанатики-большевики(-) / немецкие офицеры(+)*, включающий комическую трактовку в рамках оппозиции *большевики / буржуи*.

Оппозиции реконструируются в содержании высказываний на уровне взаимодействия горизонтального и вертикального контекстов. Коммуникативная структура акта речи рассматривается как дискурсивно

порождающая, даются определения понятий структурно-семантической оппозиции и оппозитивности. Оппозиция и связанная с ней оппозитивность выводятся на поверхность в анализе дискурса как главный конструктивный признак его формации. Поскольку дискурсная формация — это место образования смысла, *оппозитивность* понимается не только в качестве идеологической модальности (мотивированное неприятие), но и конструктивно, как выражение оппозиций в речевом «теле» дискурса. *Оппозиция* - это термин, который позволяет объединить все проявления оппозитивности на основе прототипа «другой». Такие проявления могут отличаться разительно, так как связаны с разными идеологическими контекстами и психологическими модусами. Но в подавляющем большинстве случаев «оппозиция» – это содержательно и структурно воспроизводимое в дискурсе (в речи) *отношение противоположения*, в широком смысле - оппозитивной номинативности, маркирующее характер несоответствия или противоречия в общественном сознании.

В подразделе 1.3.2 «*Интенциональность, оппозитивная модализация и ее инструментарий*» в центре внимания способы материального воплощения идеологических оппозиций в газетном дискурсе. Сначала рассматриваются модальные составляющие ментально-психологического поля оппозитивного дискурса. Интенциональность – общее фундаментальное свойство ментальной и психической организации человека, которое заключается в стремлении выразить (репрезентировать) в речи свои мнения, желания, убеждения, опасения, надежды, другими словами - психологические состояния. Посредством этого свойства человеческой психики и сознания (или бессознательного), *ментальные состояния направляются на объекты и положения дел внешнего мира*. Интенциональность и связанные с нею категории *модуса* и *модальности* играют ключевую роль в теории порождения речи¹⁶.

Специфика идеологической работы в сфере публицистики состоит в том, что это пропагандистская деятельность ярко выраженной оценочной (прагматической) направленности. Основная задача речевой модальности – управление процессом интерпретации высказываний адресатом. Мы исходим из того, что интерпретирующая функция базируется на ценностных параметрах отражения действительности, проявляется через поведенческие ориентировки и регуляции, в основе которых лежит *оценка*, или главная составляющая эмоций, как отмечают психологи. Оценка является основой механизмов оппозитивной модализации, служащих задачам идеологии, поскольку выполняет функцию связующего звена между ментальной сферой говорящего и социально-культурным контекстом. Оценке принадлежит

¹⁶ Об этом в нашей монографии: *Краснова Т. И. Субъективность – модальность*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуд. ун-та экономики и финансов. 0 0 . 189 с .

ведущая роль в изменении значений, в переоценке слова и его перемещении из одного ценностного контекста в другой. При этом в речи фактор модальности связан с разными аспектами оценочности и выбором предоставляемых языком способов выражения значений говорящим. Отметим здесь *идеологически превращенный* характер модальности и модализации в газетном дискурсе: они служат процессу эффективного внедрения означиваемого конструкта (риторической формы идеологии) в общественное сознание. Немаловажное значение имеет в этом ракурсе понятие «о п е р а ц и о н а л ь н о г о м о д у с а», которое может рассматриваться как способ операций со знаком в психологическом механизме управления деятельностью.

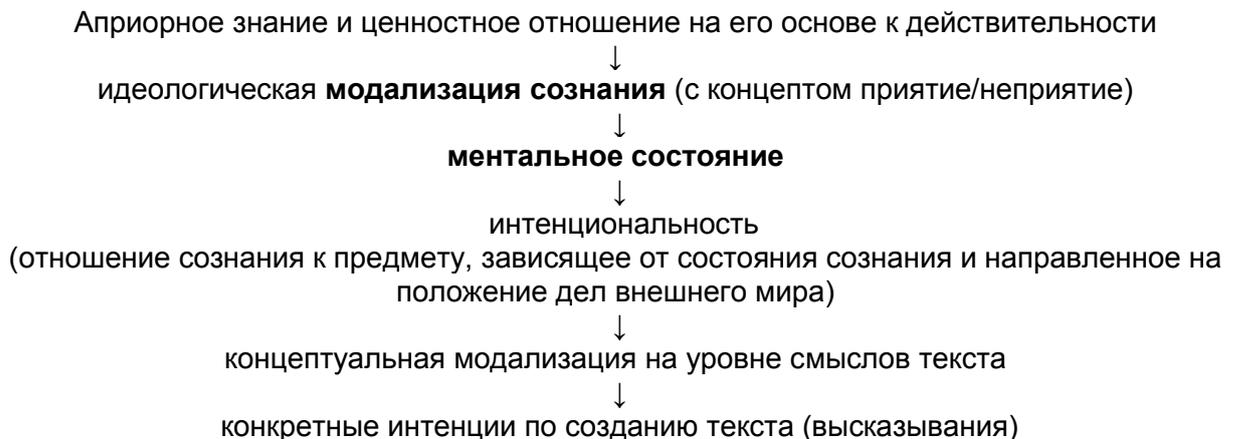
Далее рассматриваются существующие в науке представления, связанные с термином модус и его операциональным толкованием в *грамматике*, в *лексике* и, наконец в *тексте*, где методология операционализма больше всего выразилась в концепции речевой структуры текста как стратегии поведения говорящего для выполнения задач сообщения. В этой связи нельзя не сказать о своеобразии категории «т о ч к а з р е н и я» в дискурсе. Она определяется идеологией. В свою очередь эпистемическое и особенно аксиологическое видение прямо зависит от точки зрения, с которой ведется наблюдение. Не модальность, а именно точка зрения определяет интерпретацию объекта субъектом (модальность лишь управляет этим процессом). При этом идеологическая «точка зрения» обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. Этот способ существования подразумевает извне заданный идеологический проект, ограничения, настроенную «оптику» рассмотрения объекта и актуализационные возможности формы. В рамке *пресуппозиции* точка зрения существует вместе с субъектом идеологии и способна определять в тексте направление смыслового означивания. Но при этом субъект языка-речи не находится в центре анализа, а текст может анализироваться лишь в рамках системы ценностных установок, имеющих единый смысл для интерпретаторов.

В соответствии с идеологическим пониманием *модализации* находится функция предиката с его способностью образовывать смысл высказывания *под диктатом* концепта «приятие»/«неприятие». Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям». Физическое и психическое, объективное и субъективное в определенные моменты (то есть в речи) содержат общие элементы; *предикация* издавна осознавалась как связь и момент этой общности¹⁷. В трактовке понятий «ментальное состояние», «модализация»,

¹⁷ Обзор мнений, включая историю вопроса, в монографии: Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. -е изд. М.: Либроком, 010 (глава IV).

«картина мира» мы придерживаемся синтезирующих психологическую природу порождения речи взглядов А.-Ж. Греймаса, Ж. Фонтанья¹⁸. Ментальное состояние понимается как «состояние вещей» в трансформируемом субъектом мире; но это также и «состояние души» субъекта-оператора, который готов к действию, и само переживание отношения в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Переживание отношения выражается в модализации субъекта (идеологического субъекта газеты) через модализацию объекта (Россия) и вкладывается, благодаря языку, в дискурс (в речь и в тексты).

Модализация и модальность рассматриваются применительно к речевой ипостаси дискурса. Мы выделяем дотекстовый и текстовый этапы модализации. В ментально-психологическом поле оппозитивного дискурса **дотекстовый этап модализации** высказываний можно представить как идеологически и психологически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом зависимостей в поле внутреннего.

Имея в виду **текстовый этап модализации**, отметим главное. Можно говорить о модализации в узком и в широком смысле. В *узком* смысле модализация включает в себя то, что традиционно называется модальностью (знание, хотение, долженствование, возможность-невозможность, уверенность-неуверенность и т.п.). Все известные нам модальности происходят из рациональной категоризации и составляют, таким образом, модальные структуры – часть инструментария газетного дискурса с его способами интерпретации происходящего. Другая же часть, если понимать

¹⁸ Греймас А.-Ж., Фонтанья Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души: пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 007.

модализацию в *широком* смысле, — это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур модальные устройства, охватывающие прагматическую и когнитивную области. Это пересечение множества структур, путь от одной модализации к другой в течение всего синтаксического развертывания. В силу этого предикат может быть *сверхдетерминирован*. Актантные категории в их ролевой семантике, характер их обозначения в целом носят модальный характер и способны наделять собственным модальным статусом сообщение как «зрелище» (spectacle). Сама структура сообщения предписывает определенное видение мира. Оно прямо связано с эпистемическим состоянием сознания того, кто говорит, а затем и того, кто воспринимает речь¹⁹. Отношение сознания к предмету может принимать различные модификации, зависящие уже не от предмета — от состояния сознания.

Проблема интенциональных актов относится к проблеме описания модальностей, которые известны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). Далее рассматривается **эксплицитный модус** в отношении к идеологическому субъекту дискурса. Обособленный от диктума эксплицитный модус порождается полемикой, внутренним или явным диалогом. Благодаря предикатам модуса (модальным глаголам *не хочу, приказал, может, рад* или предикативам типа *необходимо, удивительно, печально*), посредством грамматической связи актуализируются представления, особенно значимые для идеологического субъекта оппозиции. В оппозитивном дискурсе с развернутым по мотивированности и открытым для выражения эмотивности ментально-психическим полем внутреннего переплетаются все виды эксплицитных модусов: перцептивные, ментальные, эмотивные, волитивные.

Мы сознательно повышаем статус понятия «когнитивный модус» до его представления как суперкатегории. Это представление близко к понятию «воззрение» (по сл. под ред Д. Н. Ушакова: ‘убеждение’, ‘точка зрения’, ‘образ мыслей’), но только в связи с конкретным характером высказывания в газете. Таким образом подчеркивается сложно организованный характер когнитивного модуса: он может включать *контекст* разных культурных *оппозиций* и *доминант*, связанных с реакциями русского сознания на события в России²⁰.

¹⁹ Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж. Указ. соч., С. 19.

²⁰ В широком смысле когнитивный модус сближается с понятием «менталитет». Т. С. Корнеева отмечает существующее в культурологических исследованиях понимание менталитета как «некой особой реальности (идеальной, духовной или просто психологической)». См.: Корнеева Т. С. Менталитет как социокультурный феномен: автореф. дис. ...канд. философ. наук. Екатеринбург. 001, С. 3.

Вместе с тем общей чертой кризисного сознания времени перемен выступает так называемый «негативизм». Этой особенности посвящен подраздел 1.3.3. *«Концепт "отрицание" в ментально-психическом поле дискурса. Модализованная неприятием типичная референт-ситуация в дискурсе»*. В глубинной основе идеология отрицания – это внутреннее психическое переживание, становящееся внешним. Мир в эпоху кризиса имеет негативную окраску, и модализация состояния субъекта проходит через модализацию объектов. Потеря ценностного объекта равнозначна его исключению из круга жизни, его отрицанию. Ср., из письма В. Засулич: *«России, которую я знала и любила, нет больше на свете»*. В разделе дается краткий обзор толкований понятия «отрицания». Отрицание считается одной из самых развитых категорий в истории философии, формальной логики. В языке категория отрицания входит в разряд фундаментальных, сущностных в своем явлении дуализма. В речи явление отрицания не может быть «вещью в себе», оно связано с категорией цели, с оценочностью. Концептуализированная отрицанием область психологического восприятия в модусе – *ответное следствие общей модализации социального дискурса* в эпоху перемен. Идеологически оппозитивное отрицание подразумевает **акцентированное неприятие и противодействие в условиях поляризации ценностных представлений**; его роль в полемике одна из самых главных.

Подраздел «Модализованная неприятием типичная референт-ситуация в дискурсе» посвящен в первую очередь номинативному аспекту текстов дискурса, реализующих представления о типичных ситуациях с концептами «война» и «болезнь». Существуют архетипические структуры мышления, которые сохраняют общие черты, обновляясь в процессе социального развития человечества. К ним относится глобальная оппозиция *мир / антимир*. Материал показывает, что дискурс содержит очевидное и скрывает не очевидное в речи говорящих. Очевидное: групповые менталитеты в эпоху войн отличаются типичной совокупностью элементов, концентрирующихся вокруг концептов «борьба» (война) и «насилие» (гибель). Не очевидное: в речевом социокультурном контексте можно говорить об интегрирующем культурном прототипе «антимир» как о ценностной пресуппозиции, родившейся в сакральном противопоставлении: «мир Божий» / «мир Дьявола» («верхний» мир / «нижний» мир; «рай» / «ад»).

В ЭГ-дискурсе находят свое отражение две ипостаси концептуальной области «война»: 1) дискурс *о войне*, 2) дискурс *войны* – косвенного противодействия, негативной модализации события. Идея *болезни* проявляется в текстах ЭГ как параллельная, а иногда и сопутствующая теме Гражданской войны и беспощадной борьбы с политическим противником. Семантика ее тематической группы включает значения и смыслы, полученные по ассоциации с представлениями о телесной или психической

болезни, но главным является морально-нравственный аспект интерпретации идеи болезни как тяжелого социального недуга. Вопрос о концепте «болезнь» имеет свой культурологический аспект. Как показывает анализ дискурса, концепт «болезнь» проявляется не только в отношении к характеристике большевизма и состояния России, но и к самому интерпретатору, переживающему род заболевания.

Модализация дискурса неприятием образует ментальную область, где обозначается новое содержание концепта «большевизм», устанавливаются рамки новых оценок, санкционированных общественной группой. Все это подводит к осознанию *основополагающей роли модальных нагрузок* в построении картины мира и формации дискурса. В выводах Главы 1 определение оппозитивного дискурса уточняется.

Глава 2 «Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья» посвящена текстопорождающим аспектам оппозитивности.

§ 1 «Оппозитивность картины мира в дискурсе РЗ». Изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводится в традициях теории текстовых единств — на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. Идеологическую модализованность сознания и речевую модальность текста (результат чувствования и мышления) мы рассматриваем в единстве их ментально-речевого существования и воплощения. Обе ипостаси (и когнитивная, и речевая) объединяются в составе психологического модуса, выражая участие идеологического субъекта («точки зрения» говорящего) в репрезентации действительности. При этом «включение» модальности в диктум, согласно Балли, происходит на уровне языкового выражения. Экспликация ментальных и вычленение выявленных в текстах смысловых противоположений помогает представить совокупность знаний и мнений в виде *моделей* понимания субъектами картины действительности.

В подразделе *2.1.1 «Оппозитивность мира в именовании доминирующего действия (концептуальные парадигмы)»* на парадигматическом уровне анализа, дающем возможность охватить большие массивы текстов, главным объектом наблюдений явилась лексика с учетом ее концептуализации в коммуникативном центре высказываний. Когнитивное моделирование типичных для дискурса способов репрезентации осуществляется методом структурного семантико-речевого анализа. В *парадигматическом* плане (по диагонали дискурса) выявились устойчивые когнитивные схемы речевой семантики, которые можно представить в виде ментальных соотношений референциальной и модальной семантики: *конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность –*

аморальность. Для дискурса новостей типичным оказывается наложение референциальной и модальной парадигм. Выделенные идеографические парадигмы связываются с архетипами национального сознания: с состраданием к жертвам насилия и осуждением насильников, с другими ценностями, прежде всего - христианскими.

Подраздел 2.1.2 «Семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой референт-ситуации с концептами «Россия» и «большевизм» посвящен *синтагматическому* анализу выявления оппозиций. Их выражение различается в зависимости от жанра публикаций. В составе высказываний устанавливаются связи и отношения, по-новому конституирующие понятия «Россия» и «большевизм». Велика роль контрастов модальности (сочетаний утверждения и недоумения, удивления и сострадания), иронических оттенков модализации неприятием. Идея умственного и психического расстройства, характеризующая в текстах участников событий, обнаруживается в структуре сообщений фактологического характера благодаря лексико-синтаксическим контрастам, смысловым несоответствиям, разным видам синтагматического противоположения. При этом именно различного рода «несоответствия» акцентируют в передаваемой ситуации ее ненормальность и болезненность. Положение дел и оценки этого положения могут быть скрыто оппозитивными. Они подразумеваются или «вычитываются» дополнительно.

§ 2 «Оппозитивное в "структуре апеллятивности" дискурса русского зарубежья». В подразделе .1. «Имплицативная и эксплицитивная оппозитивность в метатексте и диктуме новости» показано, как подача новости в политизированных газетах РЗ определялась идеологической точкой зрения на событие и «гипотезой адресата». Характеризуются субъективированный и объективированный модусы подачи диктума, модусы утверждения и отрицания диктума. Оппозитивное в структуре апеллятивности проявляется в ориентации читателя на два полюса ментальных представлений, куда входила оппозиция МЫ/ОНИ. Очевидно стремление субъектов использовать идеологические и технические в речевом смысле стереотипы как средства, упрощающие контакты и понимание имплицативного в общении. Сигналы альтернативной позиции в объективированном изложении новости понятны читателю в модализованном контексте, так как читатель преимущественно осознается соучастником и носителем позиции той группы, к которой относится передающий сообщение. Кроме выбора наименований, сигналами альтернативной позиции являются определенные элементы избыточности, акцентированные оценкой предикативные связи между фактами, идеологизированный заголовок.

Неявный уровень оценки в пресуппозиции предполагает дотекстовую квалификацию полученной для передачи новости. Такая квалифицирующая операция может быть представлена в виде дейксиса *Это Adv-o*, где дейксис указывает на полученное сообщение (стимул), а предикативом выступает оценка (реакция). Можно предположить, что предварительная оценка в пресуппозиции отражает рациональное и эмоциональное отношение к полученному сообщению, а именно: согласие или несогласие с полученной информацией (*это верно* \approx известный факт / *неверно, маловероятно*); определение познавательности сведений (*это важно* / *интересно*); логическую оценку (*это логично* / *убедительно* / *странно*); утилитарную идеологическую оценку (*передаваемое нам выгодно* / *будет полезно*); общую оценку (в формулах *это хорошо* / *плохо*); общемодалную оценку (*передать это можно* / *необходимо*); этическую оценку (*это преступно* / *аморально; справедливо* / *несправедливо*). Зафиксированные в текстах реакции (*это ужасно* / *непереносимо* / *грустно* / *обидно* и т.п.) были реальными на дотекстовом этапе. Иногда такого рода операциональные примитивы эксплицируются и позволяют оценить когнитивное состояние ИС, мотивы отбора в газету поступающих известий.

В подразделе 2.2.2 «*Оппозитивность идеологем (старое/новое, темное/светлое). Персонализация врага в дискурсе*» идеологемы характеризуются по контекстам пробольшевистского и антибольшевистского видов дискурса, внимание уделяется типичным для пробольшевизма *сценарным* моделям диалогичности. Важнейшим для событийного изложения становится имплицитно присутствующий мотив личной ответственности. Отсюда в антибольшевистской печати множество контекстов, начиненных фактологическими деталями и озвученными для читателя именами собственными с функцией персонализации (Керенский, Троцкий, Ленин, их сподвижники).

Рассматривается функция экспрессивных слов как усилителей идеологем в газетных текстах пробольшевистской направленности. Речь идет о кванторах *все* и *всё*, чья риторическая функция несет значительную долю идеологического задания. Далее мы обращаемся к аспектам экспрессии в газетном дискурсе именно с учетом кванторных слов, ее поддерживающих. Материалом анализа выступает антибольшевистская печать, широко использующая концепт всеобщности.

§ 3 «Оппозитивность экспрессии в дискурсе РЗ: кванторное слово в газете». С когнитивно-семантической и функциональной точек зрения квантор *все* занимает свое место между условными контрапунктами референция (предметно-отождествительный план содержания) и оценка (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования), имея отношение к модализованной референции (на уровне сознания). Внутренне

аффективный дискурс соответствует психологическому состоянию говорящего и его субъективированной картине мира. Страстная напряженность, интенсивность эмигрантского антибольшевистского дискурса есть не что иное, как смысловой эффект количественных вариаций в актантной и модальной структурах с квантором *все*. Эти вариации в разнообразной форме по своему эффекту близки к понятию чрезмерности. Кванторные слова действуют в пропагандистском дискурсе как резонаторы, создающие болезненную аффектацию речи, связанную с модусами обвинения и желания (необходимости). Слово *все* вбирает в себя из контекста интеллектуальные и аффективные содержания. Хотя референция слова проявляется прежде всего в связях с именами предметно-отождествительной семантики, однако аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нередко нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности. Такие сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа. Но даже в информационном дискурсе эмигрантских газет квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку.

В функциональном отношении наблюдается многоплановый, «сгущенный» режим действия слов *все* и *всё*: просматриваются одновременно реализуемые функции идентификации, обобщения, интенсификации. При этом выявляются семантические величины, поддающиеся обобщению внутри данной культуры и характеризующие концептуализацию слова как факт культурный. Это касается смысловых эффектов и сопутствующих им значений, связанных со словом «большевизм».

Итогом *Главы 2* является вывод, подтверждающий гипотезу об оценочной оппозитивности как механизме текстопорождения в газетном дискурсе. Оппозитивность выступает в ЭГ-дискурсе главным структурным организатором смыслообразования. Она опирается на заложенные в текстах и ментальности субъектов ценностные ориентиры (концепты, фреймы), на активированные идеологически различно модусы политического и гуманитарного сознания. *Количественный фактор* относится к важнейшим при изучении аффективного конфликтогенного дискурса. Количественность и качественность, модальность и оценочность речевых действий оказались непосредственно связанными в газетном дискурсе. В текстах наблюдаются наложения модусов когнитивных состояний (хотя они стандартны психологически) и оценочных коннотаций, поддерживающих смыслы обвинения и сострадания, ненависти и любви.

Р а з д е л II «ОППОЗИТИВНАЯ ФОРМАЦИЯ И СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА О РОССИИ В ПРЕССЕ РАЗНЫХ СТРАН РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ» состоит из двух развернутых глав, посвященных описанию политизированных и неполитизированного видов дискурса эмигрантских газет по месту их географического размещения.

Целью **Главы 3-й «Газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивностью (политизированные газеты)»** было выявление речевой и когнитивно-семантической специфики социальных разновидностей оппозитивного дискурса в Маньчжурии (§ 1), в Америке (§ 2), в Европе (§ 3). Главным критерием при выявлении разновидностей газет был критерий субъективно-идеологический (способ репрезентации, аргументирующий отношение к большевизму) и субъективно-модальный (мера интенсивности при выражении этого отношения). Однако при изучении разновидностей политизированных газет на разных территориях размещения выявились и другие различия, обусловившие их специфику на местах. К ним относятся: степень включенности русскоязычного населения в события на родине (фактор интегрированности аудитории в российский дискурс); степень территориальной удаленности от национального центра (географический фактор); степень изолированности русского населения в стране пребывания (фактор слияния с местным обществом и защищенности русских в социуме приютивших их стран); степень влияния на диаспору и газеты диаспоры со стороны местных властей (местный политический фактор); степень трудовой занятости населения в стране пребывания (трудовой фактор).

§ 1 «Миграции в Маньчжурию и харбинская печать». Антибольшевизм харбинской печати в разных изданиях неоднороден и варьирует от иронично-саркастической разновидности (в газетах «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии») к умеренно-ироничной («Призыв», «Труд») и, наконец – к умеренно-нейтральной разновидности (в газете «Новости жизни»). **Умеренный антибольшевизм** харбинской печати можно было бы объяснить удаленностью от центральной России и, как следствие, меньшей вовлеченностью в события. Но, по-видимому, главной причиной была сосредоточенность на экономических приоритетах со стороны ведущей части русской диаспоры в Харбине. В газетах умеренный антибольшевизм являлся идеологическим качеством дискурса, который характеризуется критикой, заметным неприятием большевизма и, в то же время, отстраненностью идеологического субъекта, часто выражавшейся в утрированно комической форме.

На м е н т а л ь н о м уровне в газетном дискурсе обнаруживаются: 1) классово-идеологические оппозиции, связанные а) с проблемой завоевания и применения власти (власть народа, «народоправство» / власть большевиков); б) с проблемой жизненных взаимоотношений представителей классов

(рабочие / буржуазия);) архетипические ментальные оппозиции, опирающиеся на религиозное сознание: «земное» / «небесное», «внешнее / внутреннее». Обусловленная местом этническая оппозиция «русские / китайцы» целенаправленно снимается.

На с е м а н т и к о - р е ч е в о м уровне основными способами оппозитивной формации выступают образно-риторические приемы противоположения и синтагматического контраста частей высказывания: 1) прием композиционно-смыслового противоположения частей;) прием семантико-стилистического контраста деловых, разговорных, революционно-риторических, литературно-поэтических элементов речи; 3) прием градации смысловых наименований, тяготеющих к выражению крайней степени негативной оценки; 4) включение литературных аллюзий, перифраз, цветовых символов и построение семантико-стилистических (смысловых) парадоксов; 5) широкое использование комических приемов и средств иронии: а) преувеличений, доводящих враждебный смысл до констатации его абсурдности, б) приемов двусмысленной игры трагикомической формой в содержании сообщения при использовании жанровых традиций (фарса, пародии, стилизации, народно-поэтических образов). «Культура низа» сделалась одним из способов преодоления избыточной экспрессии в газете и, одновременно, средством привлечения внимания простого читателя к смыслу сообщаемого.

§ 2 «*Эмиграция в Америку и эмигрантская печать*». Американские русскоязычные газеты диаспоры были интегрированы в местный уклад жизни с его зависимостью от властей и отношений конкуренции, от возможного и традиционного в области финансирования и ведения издательского дела. Русские эмигрантские издания в Америке сильнее, чем в Маньчжурии, противопоставлены друг другу, существуют в условиях жесткого соперничества и политической борьбы в рамках существующего законодательства. Именно трудовая ситуация для русскоязычных рабочих на местах рассматривается пробольшевистской печатью как симптоматичная для справедливой классовой борьбы за права рабочих в регионах Америки. Для русских пробольшевистских изданий в Америке обсуждение событий в революционной России не было задачей главной. Они стремились использовать пропаганду большевизма для борьбы рабочих за свои права с «хозяевами» жизни, капиталистами в Америке. Наименования *большевики*, *Советская Россия* сопровождаются в пробольшевистских изданиях только позитивными коннотациями. Оптимистический образ большевика (включая неоднозначные оценки вождей большевизма) строится в приближении к идеалу успешного американского героя. *Радикальная газета* «Голос труженика» (Чикаго) ставит рабочих в жесткую оппозицию к профсоюзным лидерам как послушным исполнителям воли «хозяев».

На уровне ментального в пробольшевистском дискурсе обнаруживаются классово-идеологические оппозиции, связанные а) с проблемой буржуазного неприятия Советской России и большевиков (Сов. Россия / капиталистический мир); б) с проблемой разрешения непримиримого классового противоречия мирового масштаба («рабочие» / «буржуазия»); в) с проблемой внутренней оппозиции в духе архетипов «свой»/«чужой» в среде рабочих. При этом введенная антибольшевиками оппозиция «христиане / большевики» снимается в религиозном сознании с помощью специфической концептуализации (образом жертвы в лице Назарянина как лидера «большевистского движения первого века»). В текстах идеологизированные оппозиции разного вида искусственно конструируются и бывают неоднородны в логико-понятийном отношении. Выделяются прагматические модели с противоположениями сценарно-тематического характера. Они имеют не только пропагандистский, но и агитационно-обучающий характер. К специфике идеологической оппозитивности анархо-большевистского толка относится неприятие диктата вождей, хотя как раз диктатура относится к одному из коренных положений «ленинского марксизма».

На семантико-речевом уровне идеологическая оппозитивность пробольшевистской печати выражается комплексом сюжетно-сценарных и образно-риторических средств, среди которых особое место занимают метафора, олицетворение, гипербола. К способам оценочно-оппозитивного изложения относятся лексико-синтаксические средства (оценочные наименования; параллелизм, антитеза) и стилистический контраст элементов высказывания (книжных пафосных и разговорных, грубопросторечных).

Тенденциозность газет пробольшевистского толка определяются двумя главными показателями: 1) использованием санкционированных идеологией трафаретных выражений (идеологем); 2) модальностью воинствующего неприятия существующего порядка. Отсюда тональность высказываний – стилистически сниженная, грубо уничижительная (для описания действий противника) и прескриптивная, азартно-возбуждающая (для простого рабочего). Если передается речь противника, то в ней доминирует оппозитивное ироническое двуголосие (пародирование чуждой точки зрения). Наблюдается нарушение этических правил коммуникации, так называемый – антинормативизм. Для стиля пробольшевистских изданий в высшей степени характерно диалогизированное, вопросно-ответное (порой сказовое) изложение с обращениями, императивами, лозунгами, призывами. Нередко они переводят речевую данность в аспект запланированных групповых действий (т.е. перформативны).

Пробольшевистскому газетному дискурсу противостоит *радикальный*

антибольшевистский дискурс «Народной газеты» (Нью-Йорк). Антибольшевистская газета в Америке больше сосредоточена на предметно-событийной стороне сообщений из России. Нарративы в модусе реального (свидетельства очевидцев) сопровождаются суровой оценкой деятельности большевиков в России. В «Народной газете» эта деятельность имплицитно концептуализируется понятием *преступление*.

На м е н т а л ь н о м уровне анализа дискурса русской антибольшевистской газеты обнаруживается множество проблемных оппозиций, имеющих отношение к разным сферам общественного сознания: к сфере политики и идеологии (диктатура / демократия; гражданская война / Учредительное собрание и демократический мир; коллективизм / индивидуализм), к сфере философии (жизнь / смерть), к сфере логики в ракурсе комического (отсутствие / наличие), к сфере морали и этики (норма речи / антинорма, речь / физическое воздействие; сострадание / веселье), к сфере литературной деятельности (достоверность / недостоверность; идеологическое (мифологическое) / реальное; трагедийное / комическое).

На с е м а н т и к о - р е ч е в о м уровне оппозиционность «Народной газеты» выражается: 1) обозначенным в наименованиях отрицанием большевизма; 2) идеологемами социального демократизма в противоположение к чуждой идеологии, мифологема которой обозначены как ложные в кавычках; 3) иронией или юмористически выраженным отношением к анархизму, которое передается вопросами недоумения, комическими преувеличениями, парадоксальными высказываниями; 4) пародированием чуждой речи в ее сценарно-тематических образцах; 5) перечислительными по структуре нарративами с градацией негативного смысла; 6) общим модусом крайнего неприятия, в русле которого повествование сливается с комментарием, образуя обличительный пафос речи.

§ 3 «Эмиграция и беженство в Европу; эмигрантская печать». Европейские газеты русского зарубежья в наибольшей степени включены в российские события и освещают их с наибольшим разбросом мнений и политической устремленности. Страны Европы переживали очевидные последствия от нарастающего в годы Гражданской войны беженства из России. Но именно газеты, в конечном итоге, подготавливали общественное мнение к приему беженцев, предопределяли сочувствие к ним и понимание их драматической участи. Пропагандистская модализация прагматична: она опирается на общечеловеческие постулаты добропорядочного воспитания, внедряя новые идеологемы под воздействием целенаправленной концептуализации.

В европейских газетах отчетливо выделяется **радикальный антибольшевистский** дискурс. Он представлен двумя разновидностями —

категоричной политико-идеологической («Общее дело») и мобилизующей военно-политической («Вестник Северо-Западной армии»). Радикальный антибольшевистский дискурс свойственен берлинской газете «Призыв» с ее подчеркнутой гуманистической составляющей в критике большевизма и «керенщины». Другую берлинскую газету («Русский Вестник») по мотивировкам противостояния и оценкам деятелей революции можно отнести к **умеренному пробольшевизму**. Обе газеты выявляют черты прогерманской ориентации, хотя и на разных основаниях. Остальные газеты мы бы отнесли к изданиям, реализующим признаки **умеренного антибольшевизма**. Особое место в этой группе занимает газета «Варшавская речь», заслуживающая внимания качеством своих публикаций и не одномерной политической позицией.

М е н т а л ь н ы й, или когнитивно-семантический, уровень анализа антибольшевистских газет показывает, что политически радикальный антибольшевистский дискурс газеты «Общее дело» отвечает идеологическим оппозициям обобщенно-сущностного характера, указывающим (по мысли идеолога издания) на кардинальные противоречия российской действительности: народ / власть большевиков, социальная норма / антинорма, и, наконец - жизнь / смерть. Оппозиция сущность / явление отражает субъективированную трактовку сущности большевизма как идеологии, губительной для России.

Несколько иные оценочно-оппозитивные контексты мы находим в радикальной антибольшевистской газете «Призыв» (Берлин). В ментальном мире этих газет представлены в большей степени идеалистически мотивированные оппозиции: социально-оценочные противоположения по архетипу «антимир» (гражданская война / демократический мир, враги / друзья, ложные попутчики / единомышленники); социально-оценочные противоположения с концептом «власть» (большевистская диктатура / социалистический демократизм, революционная идеология / революционная практика, включая оппозиции по характеристике действий наличие / отсутствие, динамизм / стагнация); социально-оценочные противоположения с этико-эстетической интерпретацией происходящего (добро / зло; культура / одичание, трагедийное / комическое, сострадание / веселье); социально-оценочные противоположения с морально-нравственной интерпретацией образа мышления и поведения лиц (индивидуальное / коллективное, человек / толпа, единоличное / общее), включая амбивалентную оппозицию образ разрушителя / образ несчастного (не ведающего, что творит).

Концепт «болезнь» не характерен для парижской газеты «Общее дело». Этот концепт преобладает в антибольшевистских газетах умеренного толка (в «Варшавской речи», пражском «Русском деле») или в радикальных газетах, близких по вариативности дискурса к умеренным изданиям (как,

например, в харбинской газете «Новости жизни», в нью-йоркской «Народной газете»).

Семантико-речевой уровень анализа антибЭГ показывает, что речевая форма оппозитивных контекстов поддерживает радикальную идеологию антибольшевизма открытым способом. Открытость и агрессивность – основные показатели способа существования антибольшевистского дискурса в его сугубо политической разновидности. Оценки выражаются в наименованиях, не оставляющих сомнений в крайней степени отрицания большевиков и большевизма (*преступники, предатели, палачи, провокаторы, убийцы, самозванцы, политические шулеры и шантажисты, международные авантюристы, грабители* и проч.).

Чтобы уточнить общую картину сходств и расхождений газет РЗ в системном представлении, мы прибегаем к потенциалу структурной семантики²¹.

§ 4 «Оппозитивная модель расхождения газет русского зарубежья в 1918 году. Размежевание газет в 1920-е годы». Результатом построения модели стал удобный в практике использования универсальный вид квалификации расхождений. Он содержит три познавательные модификации. 1) Построение в виде двух полюсов семантической оси дает нам крайнее выражение идеологической оппозиции в расхождении эмигрантских газет, предполагающее альтернативный смысл **‘либо то, либо другое’**. Входящими в такую оппозицию в нашей работе оказываются радикальные газеты «Голос труженика» и «Общее дело». 2) Семантическое построение в виде тринарной структуры выявляет нейтральное положение, предполагающее смысл **‘ни то, ни другое’**. Это выражение идеологической оппозиции с промежуточным нулевым звеном в расхождении эмигрантских газет в нашем исследовании относится к торгово-промышленному изданию «Скандинавский листок», о чем идет речь в Главе 4-й. 3) Семантическое построение в виде тринарной структуры дает и смешанный вариант, предполагающий смысл **‘и то, и другое’**. Разновидность этой идеологической позиции обнаруживается в харбинской газете «Новости жизни» и в европейской газете «Варшавская речь».

Дается пробный анализ двух разных газет в период закрепления советской власти (20-е гг.). Он показал: хотя эмигрантские газеты сохраняют тенденцию к расхождению в оппозицию антибЭГ / пробЭГ, происходило знаменательное для идеологии в эмиграции смещение центра соотношения: инварианту антибЭГ в крайней позиции на другом конце схемы стала соответствовать более сложная конфигурация, включавшая бывших умеренных в состоянии сближения с пробольшевизмом.

²¹ Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. - М.: Академ. Проект, 00 4. -368 с. - («Концепции»).

Глава 4 «Газетный дискурс с имплицитно выраженной оппозитивностью (деполитизированная газета в Швеции)» целиком посвящена описанию особенностей дискурса торгово-промышленной газеты «Скандинавский листок» (в нашем описании «коммерческий дискурс»). Внимание привлечено к имплицитным или дипломатично сглаженным в текстах оппозициям, связанным с политико-торговыми условиями взаимодействия воюющей России и нейтральной Швеции.

Нейтральное отношение газеты «Скандинавский листок» к острой ситуации в России выразилось в относительной аполитичности издания, которую можно обозначить отношением невмешательства с семантикой «*ни то, ни другое*». Способом отчуждения политизированных наименований в дискурсе газеты служат кавычки, а способом отчуждения политизированных суждений (если таковые появляются в чужой речи) выступает их слабая отмеченность, неакцентированность. Применяется ускользящая от внимания читателя тактика их композиционно-смысловой изоляции в тексте, посвященном вопросам экономики и торговли.

Актуализированный в газетах русского зарубежья концепт «борьба» в газете «Скандинавский листок» интенционально связан с желанием шведских коммерсантов и их посредников завоевать русский рынок, несмотря на препятствия (оппозиция «отсутствие/наличие»; «динамизм/стагнация»), несмотря на конкуренцию (оппозиция «Германия, Америка / Швеция»), несмотря на поведенческие расхождения партнеров («динамизм / инертность», коммерческий «пессимизм / оптимизм»). Оппозиция «старый / новый» отвечает надеждам идеологического субъекта на успешное сотрудничество Швеции с Россией.

На фоне объемлющей дискурс концептуализации с ключевым словом «сближение» идеологически заданное порой входит в несоответствие с семантикой «здравого смысла», или смысловой закономерности, передаваемой языком *непроизвольно*. В отличие от идеологии сближения, которая открыто и настойчиво проводится в лексике (включая феномен «внутренняя форма слова»), в дискурсивных связях актантов Швеция и Россия на уровне синтаксиса возникает предикативное отношение несоответствия. Модальная нагрузка актантно-предикатных связей в дискурсе входит в ментальную структуру, отображая реальность в имплицитных оппозициях «динамизм / статичность (стагнация)», «раньше / сейчас» и др. По отношению к переменам и новой власти в России газета «Скандинавский листок» занимает предусмотрительную позицию, которую можно назвать позицией идеологического умолчания (нулевая степень политической модализации). Кардинальным отличием коммерческого газетного дискурса является общая *позитивная модализация*. Главным концептом и опорным тезисом газеты выступает не идея борьбы, а идея

согласия, не категорическое или ироническое отрицание, а модализация в духе добрососедских, иногда юмористически означенных, отношений. Конфронтация мы/они отсутствует, хотя отмечены явления неприятия и конкурентной борьбы с противником, который дискредитировал себя на мировой арене (германцы). В остальном коммерческий дискурс газеты «Скандинавский листок» – это модализованная желанием торгового успеха репрезентация обособленной картины мира, рассчитанной на созидательность. Существующие противоречия юмористически облегчаются на семантико-речевом уровне текстов, модифицируются с помощью парадоксальных высказываний. Российско-шведский дискурс отличается общей занимательностью изложения, экскурсами в прошлое России и Швеции. Историко-культурные противоположения в духе традиций враждебности (оппозиция «шведы / русские») стираются, утверждается идея дружелюбного взаимодействия двух народов-соседей.

Если учесть семиотическую традицию названия дискурса по выраженности состояния субъекта, то дискурс газеты «Скандинавский листок» можно было бы определить как дискурс предвкушения. Это качество сродни модусу ожидания пробольшевистского «Голоса труженика» в эпоху войн. И там, и в здесь на первом плане пропагандистская, агитационная и в некоторой мере организаторская функции (устройство лекций, сбор средств, сотрудничество с представителями науки и бизнеса). Как и в пробЭГ, в идеологии и речи коммерческого издания преобладает не модализованный нарратив и связанная с ним инференция, а речемыслительное модусное начало, заметное влияние местных условий и профессиональной среды. Идеология выступает как специфическое преломление в деловой публицистике целей и задач торгового сообщества. Анализ выступлений деполитизированной газеты с учетом их контекста показал, как групповой интерес, стремление к согласию нивелирует трудно преодолимые противоречия в дискурсе (но не в самой реальности).

В заключении подводятся общие итоги, связанные с выполнением задач и общей цели исследования.

Содержание, основные положения и результаты исследований, связанные с проблематикой диссертации, нашли отражение в работах общим объемом 87 п.л. Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора.

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. *Краснова Т. И.* Российский дискурс эпохи кризиса: историко-ментальный фон и «ответные черты» словесной культуры // Вестник Санкт-

Петербургского госуд. ун-та. 011. Серия 9 : Филология. Востоковедение. Журналистика. № 4, С. 101-108. (0, 5 п.л.)

2. *Краснова Т. И.* Русское зарубежье и печать РЗ в контексте миграционных процессов эпохи кризиса // Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 010. Вып. 8, С. 4-231. (0,43 п.л.)

3. *Краснова Т. И.* Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса : типы источников известий (1917-1919) // Медиаскоп: Ф-т журналистики Московского гос. ун-та. 010. Вып. 4. (≈1,5 п.л.)

4. *Краснова Т. И.* Ключевые смыслы современных медиатекстов // Известия Уральского госуд. ун-та. 006. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 19 (№ 40), С. 210- 14. (0,5 п.л.)

5. *Краснова Т. И.* Пушкин в Зарубежной России // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 000. Серия . Вып. (№ 9), С. 108-11 . (0,5 п. л.).

6. *Краснова Т. И.* Структура эмигрантского газетного текста // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1999. Серия . Вып. (№ 9), С. 93-100. (0,87 п.л.).

7. *Краснова Т. И.* Семантико-речевые оппозиции в структуре текста (на материале эмигрантских газет) // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1995. Серия . Вып. 4 (№ 3), С. 67-7 (0,6 п. л.).

8. *Краснова Т. И.* Типы эмигрантских газет 1918 года по содержательно-идеологическим признакам (опыт изучения содержания и формы) // Вестник Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1995. Серия . Вып. (№ 9), С. 110-113. (0, 5 п. л.).

Монографии

9. *Краснова Т. И.* Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-19 0() гг. / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Изд-во «Северная звезда». 011. 588 с., ил. (36, 75 п.л.).

10. *Краснова Т. И.* Субъективность – модальность. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского госуд. ун-та экономики и финансов. 00 . 189 с. (11,8 п.л.).

11. *Современная* газетная публицистика: проблемы стиля. – Л.: Изд-во Ленинградского госуд. ун-та. 1987 (в соавторстве с К. А. Роговой, И. П. Лысаковой и др.). 7,5 / 0,8 п.л.

Другие научные публикации

12. *Краснова Т. И.* Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса // Слово. Словарь. Словесность (к 00-летию со дня рождения А. И. Герцена). СПб. : Изд-во «САГА». 01 . С. 358-363.

13. *Краснова Т. И.* Оппозитивность в структуре коммуникации (на материале эмигрантских газет эпохи кризиса 1918-19 0 гг.) // Вестник Пермского госуд. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». 011. № 1, С. 107-112 (в соавторстве с Л. Р. Дускаевой). 0,3 п.л.

14. *Краснова Т. И.* К вопросу о миграциях из России в эпоху революционного кризиса // Слово есть Дело : сб. науч. трудов. Т.1. / Ред. коллегия Российского госуд. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во «Сударыня». 010, С. 197- 0 . (0,31 п.л.)

15. *Краснова Т. И.* Дискурс-ориентированный контекстный подход : вспомогательная роль идеологии в дискурсе о языке (социологическое направление) // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. Выпуск XI / Ред. коллегия Российского госуд. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена: проф. Васильева Г. М., проф. Лысакова И. П. (отв. ред.) и др. – СПб.: Изд-во «Северная звезда». 010, С. 101-108. (0,43 п. л.).

16. *Краснова Т. И.* Метаречевые структуры новости : источники известий // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сб. науч. трудов / под ред. Е. А. Баженовой; Пермский госуд. ун-т. – Пермь. 009. Вып.13, С. 16 -170. (0,5 п.л.)

17. *Краснова Т. И.* Выражение концепции коммерческого издания в ключевых словах // Русский язык как иностранный : Теория. Исследования. Практика. Вып. X. / Ред. коллегия Российского госуд. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во «Сударыня». СПб. 009, С. 95-101. (0,5 п.л.)

18. *Краснова Т. И.* Кванторное слово в эмигрантских газетах эпохи кризиса // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой; Пермский госуд. ун-т. – Пермь. 008. Вып.1 , С. 175-196. (1,31 п.л.)

19. *Краснова Т. И.* Коммерческая газета эпохи 1-й мировой войны и революции: идеологическая направленность в языковом выражении // Психология, коммерция, дизайн : актуальные проблемы подготовки специалистов / Сб. науч. тр. / Авторы статей. – СПб.: Невский институт управления и дизайна. 008, С. 16 -190. (1, 75 п.л.)

20. *Краснова Т. И.* Субъективность в системе знаний и представлений // Невский наблюдатель. – СПб.: Факультет журналистики Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 00 . № 1 (7), С. 34-40. (0,75 п.л.)

21. *Краснова Т. И.* Речевые стереотипы российской массовой культуры // Невский наблюдатель. – СПб.: Факультет журналистики Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 000. № 1 (5), С. 35-4 . (0,87 п.л.)

22. *Краснова Т. И.* Лингвистические заметки о модальности // Логос. Общество. Знак (К исследованию феноменологии дискурса) : Сб. ст. – СПб.: «БРИГ-ЭКСПО», 1997, С. 51-61. (0,6 п. л.)
23. *Краснова Т. И.* Язык наш насущный даждь нам днесь... // Невский наблюдатель. – СПб.: Факультет журналистики Санкт-Петербургского госуд. ун-та. 1997. № 1, С. 54-56. (0,4 п. л.)
24. *Краснова Т. И.* Стиль - категория прагматическая (идеографические аспекты стиля) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. - Пермь : Изд-во Пермского госуд. ун-та. 1994. С. 9-35 (0,5 п. л.).
25. *Краснова Т. И.* Семантика отрицания (на материале публицистики) // Гуманитарные науки : из опыта теоретической интерпретации. – СПб.: АО «Фантомы». 1993, С. 37-44. (0,44 п. л.)
26. *Краснова Т. И.* Два типа речевого поведения автора в фельетоне // Читатель и газета : проблемы взаимодействия. – Свердловск: Изд-во Уральского госуд. ун-та. 1990, С. 111-118. (0,5 п. л.)
27. *Краснова Т. И.* Ситуация «пропажи» и ее композиционно-стилистические разновидности в фельетоне // Язык и композиция газетного текста : теория и практика. – Свердловск: Изд-во Уральского госуд. ун-та, 1987, С. 113-118. (0,6 п. л.)
28. *Краснова Т. И.* Контраст как ведущий прием речевого развертывания сюжета в фельетоне // Журналист. Пресса. Аудитория. Вып.3. – Л.: Факультет журналистики Ленинградского госуд. ун-та. 1986, С. 11 - 118. (0,44 п. л.)

